

ОБЩЕСТВО

ных маргиналов, которые разрушили на немецкие деньги великое здание Российской империи. Понятно, что и та и другая точки зрения предельно упрощены, сейчас в научном сообществе они не разделяются.

Давайте задумаемся, чем была Российская империя после отмены крепостного права, в последующие полвека, — это ведь общество жутких и постоянно нарастающих противоречий: рушатся сословия, начинается урбанизация, происходит раскол между поколениями. Представить себе, что эта модернизация прошла бы безболезненно, невозможно. В этом смысле революция была предопределена.

Кроме того, мне кажется, вопрос можно поставить по-другому: была ли неизбежна степень радикализма, который сопровождал те события? Здесь, наверное, можно спорить. Историки очень часто говорят о том, что у страны возникло бы окно возможностей, будь продолжена либеральная реформа, — это окно, пожалуй, могло бы перенаправить революцию в сторону меньшего насилия. Однако в 1917 году этот ненасильственный сценарий был уже если не невозможен, то очень ограничен: умеренные проекты быстро уступили место радикальным идеям.

Дмитрий Офицеров-Бельский:
— В истории ничто не предопределено, и я в корне не согласен с выражением «История не знает сослагательного наклонения». Мы не можем с уверенностью рассуждать о том, что произойдёт в будущем, понимая его вариантность, зато некоторым исследователям кажется, что они могут обосновать инвариантность тех или иных событий в прошлом. Другое дело, что груз накопленных проблем был настолько тяжёл — от экономики и военной разрухи до национального вопроса, — что разрешить их было бы сложно без насилия.

Можно ли проследить наследие революции сейчас? Если да, то в чём оно проявляется?

Алексей Каменских:
— Прежде всего, это отчуждение власти от общества. Фактически та правящая элита, которая пришла к власти в России в конце 1990-х годов, является прямым преемником совершенно определённого института советского государства, института, который возник в декабре 1917 года (ВЧК Дзержинского), который затем развивался через НКВД, КГБ и прочие репрессивные организации. Этот институт, вполне себе советский и репрессивный, сейчас становится определяющим для внутренней и внешней политики нашей страны.

Александр Чашухин:
— Если наследие и проявляется, то очень опосредованно. Всё-таки сменилось несколько поколений, мы живём в совершенно ином мире. Другое дело, что революционные образы, которые бывают порой представлены в массовой культуре, периодически обращаются к историческому прошлому. Это имеет отношение, конечно, в большей степени не к 1917 году, а к тому, что у нас сейчас в головах.

Дмитрий Офицеров-Бельский:
— Если пытаться ничего не упустить, то стоит говорить тогда и о наследии времён Батые или Ивана Грозного. Конечно же, всё это имеет место быть, но гораздо большее значение имеет то, что мы делаем сейчас.

Возвращаясь к вопросу о наследии, самым важным я считаю решение национального вопроса непосредственно после окончания Гражданской войны. К сожалению, именно оно стало катализатором

роста национализма и бомбой замедленного действия для СССР. Есть, конечно, и материальное наследие, но не революции как таковой, а советской эпохи в целом. Это большая часть производств и инфраструктуры более чем в 15 странах.

Безусловно, современного социального государства в европейском духе не было бы, если бы не революция в России. Но это если рассуждать о последствиях революции шире, применительно ко всему миру.

Следует ли вести дискуссии о революции, её значении спустя 100 лет? Если да, на каких площадках: в рамках университетов, в СМИ, в парламенте?

Леонид Обухов:
— Дискуссии о революции — удел публицистов и политологов. Историки прежде всего должны описывать те события и объяснять, почему они произошли. Оценки зависят от идеологических позиций, примириться или прийти к консенсусу для коммунистов, либералов и монархистов невозможно.

Дмитрий Офицеров-Бельский:
— Безусловно, стоит. Я не берусь утверждать, что история учит не повторять ошибок или же, наоборот, ничему не учит, как говорил Гегель. В конце концов, революция не была ошибкой, она не была выбором, она была процессом, который оказал влияние на мировую историю. Изучение социальных процессов важно как социальная рефлексия, как механизм выработки идентичности и как поиск инструментов социального инжиниринга.

Алексей Каменских:
— Такие дискуссии совершенно необходимы. Мы можем наблюдать, как боится и избегает их наша власть. Пресловутый скандал о «Матильде» является прекрасным примером того, как всякое общественное обсуждение прошедших событий «канализируется» в абсолютно ничтожное тематическое поле. При этом власть не должна порождать дискуссий о революции и отрицательных ей событиях, она должна просто им не мешать. Пока же мы видим, что подобного рода дискуссии блокируются через СМИ или просто не получают достаточно серьёзного освещения.

Какие книги о революции стоит прочитать?

Леонид Обухов:
— «Красная смута» Владимира Булдакова; «Время упущенных возможностей: Урал в 1917 году» Николая Попова и Дмитрия Бугрова.

Дмитрий Офицеров-Бельский:
— «Колчак» Павла Зырянова; «Тихий Дон» Михаила Шолохова; «Собачье сердце» Михаила Булгакова как метафора эксперимента, проведённого с русским народом; «Русская революция» Ричарда Пайлса; «Очерки русской смуты» генерала Антона Деникина.

Александр Чашухин:
— Борис Колоницкий, известный петербургский историк, создал несколько работ по истории революции. Из пермских исследований — две неплохие монографии Александра Резника. Для тех же, кто хочет составить общий обзор, есть замечательный французский историк Никола Верт, занимавшийся советской историей.

Главная рекомендация людям, которые интересуются историей: когда заходите в книжный магазин и открываете книгу, посмотрите, есть ли там ссылки. Ссылки — это один из главных признаков «научности», ведь всякой жёлтой прессы и теорий заговоров сейчас очень много.

ПРОГРЕСС

Найти каждого

В Пермском крае заработала обновлённая база данных жертв политических репрессий

Рината Хайдарова

В Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ) в преддверии Дня памяти жертв политических репрессий прошла презентация новой версии базы данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-х годов».

Модернизация базы данных жертв политических репрессий существенно облегчила возможность получения информации о репрессированных в Пермском крае.

Обновлённая версия базы включает в себя 34 поисковых поля, в том числе: «Место рождения», «Дата ареста», «Место ареста», «Социальное положение», «Образование», «Место работы, должность», «Арестован по обвинению», «Обвинение», «Приговор», «Дело прекращено», «Реабилитация» и др. Поиск можно осуществлять по одному или сразу нескольким критериям.

База создана на основе документов архивно-следственных дел, хранящихся в Пермском государственном архиве социально-политической истории. Она включает в себя основные биографические сведения о гражданах, репрессированных по политическим мотивам, родившихся или проживавших в Пермском крае. В базу также занесены сведения о реабилитированных.

«Наша функция — это выявление следственных дел, где нет справок о реабилитации. Дела мы направляем в прокуратуру, дальше уже применяются действия по реабилитации лиц», — говорит директор ПермГАСПИ Сергей Неганов.

Раньше для поиска репрессированных необходимо было отправлять запрос в архив, чтобы сотрудники провели поисковую работу. Сейчас база открыта для всех (<https://www.permgaspi.ru/repress/>), и поиск можно осуществлять с любого компьютерного устройства.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

Реабилитированные жертвы репрессий получают субсидии на улучшение жилищных условий

На заседании правительства Пермского края 10 ноября губернатор Максим Решетников подписал распоряжение о направлении до конца текущего года средств краевого бюджета на улучшение жилищных условий реабилитированных жертв политических репрессий, имеющих инвалидность или являющихся пенсионерами и проживающих совместно с членами семей.

Напомним, 30 октября на встрече с членами Ассоциации жертв политических репрессий Перми в адрес Максима Решетникова поступила просьба о помощи в решении жилищного вопроса семей реабилитированных граждан.

Субсидия в размере 12 млн 238 тыс. руб. будет распределена между девятью жителями Пермского края — реабилитированными жертвами репрессий. Размер предоставляемой субсидии зависит от состава семьи реабилитированного лица, а также средней стоимости квадратного метра общей площади жилья. Каждая из семей получит от 550 тыс. руб. до 2 млн 712 тыс. руб.

Как отметили в Министерстве социального развития Пермского края, всего за 2017 год планируется направить субсидии на улучшение жилищных условий 35 семьям реабилитированных жителей Пермского края — жертв политических репрессий.

В Перми заработает пункт обогрева

1 декабря в Перми начнёт работать пункт обогрева — мобильный центр необходимой помощи для людей в сложной жизненной ситуации.

Пункт представляет собой армейскую палатку. Площадь 60 кв. м позволит обогреть и накормить одновременно почти 60 человек.

В пункте также есть мобильные душевые кабины и санитарные бачки, пояснили в Министерстве социального развития.

Люди получают здесь защиту от непогоды, горячую пищу, неотложную медицинскую помощь. Им будет предоставлена информация о Центре социальной адаптации города Перми и об общественных организациях, помогающих людям в трудной жизненной ситуации.

Пункт будет работать до 28 февраля по адресу: ул. Полевая, 2.